

— Время близится к закату, — произнесла Катерина, глядя на запад, где золотой солнечный диск крался к неровной линии горизонта, угрожая вскоре потонуть среди волнистых лугов. Они тянулись зеленым полотном от того места, где находился отряд, покуда хватало глаз. Лишь изредка среди травяного моря виднелись островки небольших рощ.

— Да, — согласился Хоулэнд Рид, не отрывая взгляд от дороги. — Скоро привал. Мы недалеко от руин Летнего замка, заночуем там.

— Хм, будет любопытно на него взглянуть, — негромко пробормотала Катерина. — Хоулэнд, я бы хотела узнать, куда мы направляемся. Где сейчас стоит армия?

Рид скосил на неё свои болотисто-зеленые глаза.

— Я удивлен, что тебе понадобилось столько времени, чтобы задать этот вопрос, Лианна, — произнес он с тенью укора в голосе. Они уже около недели ехали вдоль горной гряды Дорнийских Марок, и это был первый раз, когда она поинтересовалась их конечной целью.

Катерина обиженно нахохлилась, сложив руки на груди.

— Ну, уж извини. Мне многое нужно было обдумать, — буркнула царица.

Мысленно же она уже ругала себя, на чём свет стоит. Пусть даже сказанное ею было чистой правдой, ведь очень многое из того, что знала Лианна, нуждалось в серьезном переосмыслении из-за разницы в опыте и мировоззрении между молодой дворянкой с местного Севера и царицей Кислева, но это не оправдание для настолько невероятной беспечности. Как она вообще умудрилась пустить на самотек такие важные вещи, даже не поинтересовавшись подробностями пути? Нет, это перерождение, и развитие второй личности поверх первой явно что-то перепутало в её голове.

— Мы направляемся к замку Баклеров, леди Лианна, — произнес Этан Гловер, одарив Рида неодобрительным взглядом. Они втроем ехали во главе колонны. — После снятия осады со Штормового Предела одна половина наших войск должна была отправиться напрямик в Королевскую Гавань, чтобы сопровождать сдавшихся лордов Простора, а вторая остановиться у Бронзовых Ворот. Как только мы прибудем, армии направятся по тракту через Королевский Лес, к устью Черноводной.

Бывший оруженосец Брандона все еще продолжал самозабвенно исполнять роль её стража, чуть ли не пылинки сдувая со своей подопечной. Такое внимание доставляло некоторые неудобства, но нельзя сказать, чтобы Катерина не привыкла к подобному. Её личные охранники в былые времена также отличались великой приверженностью к своим обязанностям — Катерина тихо взгрустнула, вспомнив погибших друзей — поэтому дискомфорт, скорее всего, достался ей от юной Лианны. Но что тут сказать? Строптивость юности во всей красе. Хотя, по её мнению, мальчик все же слишком близко к сердцу принял то, что оказался единственным выжившим среди ребят, отправившихся с Брандоном ко двору Безумного короля.

С другой стороны, верность, рожденная из собственноручно выпестованного чувства вины, может быть ничуть не менее крепка, чем та, что исходит от искреннего уважения. Пусть для неё самой первая и не столь желанна, как вторая.

— А кто ими командует? — спросила его Катерина.

— Большой Джон Амбер, — ответил Гловер.

— Это хорошо, — улыбнулась она. — Давным-давно не видела этого здоровяка, будет приятно его снова встретить.

Наследник Амберов был того же возраста, что её покойный брат, и в прошлом частенько посещал Винтерфелл. Он был большим, громким, веселым и искренним, человеком, который никогда не лез за словом в карман. С ним всегда было легко общаться, даже несмотря на разницу в возрасте и кажущуюся грубость. Сейчас же воспоминания об этом огромном парне навевали Катерине мысли о богатырях, о воителях, благословлённых удивительной силой, которые иногда рождались в народах Кислева — поговаривали, что их для своей защиты выбирает сама земля. Как минимум, своим ростом и прямоотой, Джон сильно напоминал тех из них, с кем Катерина была лично знакома.

— За эту войну Джон показал себя как исключительный воин и командир, — отметил Хоуленд.

— Этого следовало ожидать. Он же Амбер, — сказала Катерина, закатив глаза. — Они всегда отличались удачью, я это еще из книг мастера Валиса помню.

— Правда? — в притворном изумлении произнес Хоуленд. — А Эддард рассказывал, что ты постоянно сбегала с занятий, чтобы покататься на лошади или пофехтовать на деревянных палках с винтерфельскими мальчишками.

— Но это никогда не мешало мне заниматься лучше него! — заявила Катерина, гордо подбоченившись, но долго так не продержалась. Она весело фыркнула, показала Хоуленду язык и рассмеялась, тем самым заставив слегка улыбнуться своего вечно спокойного собеседника. Было приятно вот так расслабиться и позволить ребяческому настроению нести себя через непринужденную беседу.

За прошедшие дни с момента пробуждения желание просто побыть юной и беспечной настигало её не в первый раз, и Катерина с превеликим удовольствием потворствовала этим маленьким слабостям. В последние годы её первой жизни поводов для веселья было немного, да и жизнь её второго «я» с момента похищения не изобиловала счастьем, а ведь Лианне с непривычки было еще труднее — все же жизнь в этом мире удивительно мягка. По крайней мере, для некоторых.

К сожалению, вес бед, что довлели над двумя частями её нынешней сути, перешел к ней в полной мере, и теперь было нужно поскорее отбросить хотя бы часть этой гадости, иначе её просто утянет на дно. Опыт подсказывал Катерине, что после прибытия в Королевскую Гавань работы у неё будет непочатый край, поэтому стоило заранее привести себя в форму. Жаль, что самый приятный способ борьбы с напряжением будет закрыт для нее до самой свадьбы, но тут уж ничего не поделаешь.

Так, за беседой прошел остаток пути до привала. Отряд остановился в небольшой роще неподалеку от разрушенной резиденции Таргариенов. Люди разбрелись по своим делам, споро ставя походные шатры с палатками и готовя костры.

Решив размять ноги после длительной поездки, Катерина оставила свою лошадь на попечении конюха и отправилась на прогулку. Этан Гловер уже привычно следовал за ней, словно тень. Неспешно пройдя через лагерь, она оказалась у края рощи широколистных, за которой виднелся остроконечный Летний замок.

— Я бы хотела поближе посмотреть на руины, — произнесла она, обращаясь к Гловеру.

— Вы спрашиваете у меня разрешения, леди Лианна? — спросил он, удивленно посмотрев на

неё.

Его можно было понять, ведь будучи оруженосцем её брата, Этан не раз становился свидетелем её упрямства и свободолюбия. То, что она сейчас не рванула к развалинам, было несколько не в характере той взбалмошной девчонки, которую он знал.

— Ну, ты же так серьезно относишься к моей безопасности, что с моей стороны было бы черной неблагодарностью создавать тебе проблемы на пустом месте, — с улыбкой ответила Катерина. — И брось уже этот официоз, Этан. Тебе не идет.

— Что ж, как скажешь, — согласился Гловер. — Идём к развалинам, только, пожалуйста, держись подальше от поврежденных стен и помещений, мало ли что там может обвалиться.

Катерина согласно кивнула и направилась дальше, внимательно разглядывая приближающиеся руины. Некогда красивое строение пребывало в поистине удручающем состоянии. Ажурные башенки покосились или были полностью разрушены, от куполов и крыш ничего не осталось, даже стены кое-где осыпались, хотя с тех пор, как замок сгорел, едва прошло два десятилетия. Во дворе росли деревья, а по оплавленным камням с черными разводами несмываемой сажи медленно взбирались разноцветные лишайники.

Но она сюда пришла отнюдь не любоваться достопримечательностями.

О трагедии Летнего замка в Вестеросе слышали все — начиная с высоких лордов и заканчивая распоследними нищими и жителями глухих деревень — но что на самом деле здесь произошло, не было ведомо никому. Даже те немногие, кто пережил этот ужасный пожар, не могли сказать ничего конкретного. Случайность, предательство, происки красных жрецов или кара Семи — каких только слухов не ходило об этом событии — но более всего народу нравилась история о попытке Эйгона V вернуть драконов с помощью дикого огня и чародеев из полумифического Асшая. И для этого, безусловно, были причины, ведь со времен потери своих летающих скакунов, Таргариены то и дело устраивали игры с этой опасной субстанцией, что частенько приводило к трагедиям, а тут такой пожар, что даже камень оплавился.

Из последней истории и проистекал интерес Катерины к этому месту. Раз уж она все равно рядом, то может в полной мере прочувствовать руины и определить, реально ли здесь пытались осуществить некий ритуал, или же слухи являются только слухами. С тех пор, как она прекратила навязывать себе слепоту в отношении местного эфира, у Катерины появились вопросы, ради ответа на которые нужно было обследовать район, подобный этому, и желательно не один.

И вот сейчас, прогуливаясь между выгоревших строений, она чётко понимала, что пришла сюда совсем не зря.

— Я слышал, что Рейгар частенько посещал эти развалины, — осторожно произнес Этан. Похоже, он не был уверен, стоит ли заговаривать с ней об этом человеке.

— Хм, вот как? — немного рассеяно отозвалась Катерина. Она определенно чувствовала, что здесь произошло нечто мистическое. Ткань реальности тут была тоньше, чем все, что она видела за дни путешествия. — Любопытно, почему.

— Ну, он же здесь родился, — откликнулся Гловер. — Вроде как, чуть ли не во время самого пожара. Хотя, может, и нет, я не слишком уверен, — признался он.

— Ах да, я слышала об этом. Кажется, Таргариены собрались здесь как раз по поводу его

рождения, — сказала Катерина. — Забавно получается, ведь можно сказать, окончательный закат династии начался именно с этого пожара. И закончилось все в огне восстания. Похоже, и Эйрис и Рейгар после этого пожарища пристрастились к поджогам, — она поморщилась, и добавила: — Как бы то ни было, это уже неважно. Пусть решают свои проблемы за пазухой у своего Неведомого.

Подойдя к ближайшей стене, Катерина провела рукой по оплавленному пятну, в поверхность которого буквально въелась копать. В эфире на том же месте находился один из особенно заметных отпечатков магического воздействия. Полностью сосредоточившись на своей руке, она даже ощутила отголосок жара от некогда бушевавшего здесь пламени, но на этом все и закончилось. Следы оказались слишком стары, чтобы показать больше. Впрочем, и того, что есть, вполне достаточно. Для начала.

— Давай возвращаться, а то боюсь, что Хоулэнд скоро начнет бить тревогу, — обратилась она к Гловеру, мягко улыбнувшись.

Тем же вечером Катерина сидела на кровати в своем шатре, лениво перелистывая страницы одной из книг, вывезенных из башни, и прислушивалась к успокаивающему мерцанию душ людей в лагере. Мысли ее неспешно блуждали по тем крохам, что она узнала о магии этого странного места, которое теперь является её домом.

Еще в последний день перед отъездом из башни Катерина прекратила сдерживать себя и начала вновь прислушиваться к ветрам эмпирея, что дуют в мире смертных. Основное умение, которым обладает каждый маг, легко вернулось к царице. Её сознание беспрепятственно излилось вовне тела, заполняя собой сотни метров объема, и в этих пределах она могла без всяких усилий ощущать колебания эфира. Вот только первое, что она услышала, была невероятная, нереальная, непредставимая... *тишина*, среди которой едва слышно звенели сознания её спутников.

Сперва Катерина подумала, что перерождение сказалось на ней куда сильнее, чем она представляла, ведь на самом деле такого не может быть, просто потому, что не может быть никогда! Понятия «покой» и «тишина» совершенно несовместимы с эфиром. Неважно, где, как и когда, море душ *постоянно* бурлило и пенилось разными эмоциями, идеями и потоками, и каждый, кто с ним связан, мог это чувствовать. Пусть иногда неосознанно, пусть ничего не понимая, но мог. Это чтобы глубоко заглянуть в отдельного человека, нужны особые практики и сродство, окружающая же какофония безумия, сама стремится ворваться в сознание. От неё нужно отстраняться и защищаться, а не искать. Тем не менее, несмотря на все попытки вникнуть, в чем дело, результат был один: её разум делает все правильно, душа действует соответствующе, люди вокруг блестели огоньками душ, а мир упорно оставался все так же неестественно тих и пуст... или как раз наоборот, слишком естественно?

Как царица Кислева, Катерина обладала доступом ко многим секретам, которые её народ бережно собирал на протяжении всего своего существования. Уж что-что, а хранить своё наследие, несмотря на удары судьбы, кислевиты умели очень хорошо.

Благодаря этим, часто еретическим, знаниям, полученным из множества источников и времён, да науке матушки Ягайи, Катерина чётко понимала, что вся Магия Мира проистекает из того

же источника, что и Скверна Хаоса. Можно было даже сказать, что Магия и Хаос практически тождественны, а все пользователи чудес, включая жрецов разных культов, только настраивали свои сути на маленькие, относительно безопасные частички того, что постепенно разъедало сами основы реальности. Это была защитная реакция жителей её старого мира, встретившихся с тотальным ужасом Долгой Ночи, безумный порыв защититься от огня огнем. Можно сколько угодно кричать о святости жрецов и мощи магов, в самой основе их сила была едина с тем, против чего они боролись.

Опасное знание. Очень опасное, болезненное и сильно бьющее по решимости, от которой во многом и зависит личная сила ей подобных. В своё время, после осознания этой страшной истины, Катерина опустила в своей способности использовать магию холода до уровня полуобученной девчонки, столь сильно её это угнетало. Даже творение слабого потока холодного ветра стало требовать неимоверного напряжения воли.

Впрочем, после того, как она взяла себя в руки, её мощь только возросла.

Все её деды и прадеды, бабки и прабабки на сотни поколений назад, жили под вечным гнѐтом тех ужасов, даже в лучшие времена, вслушиваясь в завывания демонов на грани сознания. И вот теперь лично для неё вся эта привычная какофония просто... исчезла. Осталась далеко за границей этого мира. Границей, которую ей неведомым образом помогли переступить.

В тот момент, когда эта странная, почти кошунственно притягательная мысль пришла ей в голову, Катерина на какое-то мгновение даже соблазнилась просто поверить во все это. Ведь тишина была хоть и пугающей, но в то же время невероятно прекрасной и уютной. Что с того, если теперь она вряд ли сможет сделать со своей оскудевшей силой хоть что-то стоящее? Мощь стужи — не такая великая цена за безопасность её новой семьи и народа от того, что она испытывала всю свою первую жизнь.

Впрочем, первый шок и радость прошли достаточно быстро. Все просто не могло быть настолько радужно, как она позволила себе на мгновение представить. Так не бывает. Да и вообще, она же сюда как-то попала, верно? Значит, крепкая связь с морем душ здесь быть просто обязана. По крайней мере, без серьезных исследований иные выводы будут не более чем опрометчивым самоуспокоением.

Кроме того, Катерина слишком хорошо помнила страшные сказки старой Нэн, и до боли легко угадывала в них знакомые черты ужаса, приходящего с дальнего севера, пусть даже у него было больше общего с отродьями Сильвании и Ниехары, чем с порчей Хаоса. К тому же, когда под рукой есть волшебный меч, самый Север твоей родины перекрывает столь поразительное фортификационное сооружение, а менее двух веков назад ветер еще гудел под крыльями драконов, как-то глупо думать, что для чудес и ужасов эмпирея нет места в этом мире.

Ну и еще можно было вспомнить о безумии местных сезонов. Когда в землях вроде страны Троллей, где прикосновение Хаоса то и дело меняет ландшафты, смена времѐн года имеет больше смысла, чем периодически происходящее по всему миру, это говорит о многом.

Тем не менее, факт оставался фактом, а тишина тишиной. Как бы невероятно это ни звучало, весь путь, который они проделали от башни, окружающий эфир оставался практически мертв.

Или так казалось, пока она не побывала в развалинах Летнего замка. В этих руинах Катерина впервые столкнулась со следами магии, которые не были привязаны к древнему артефакту. Пусть даже по её меркам они были едва заметны и, если уж на то пошло, с практической точки зрения, совершенно бесполезны. Все же огонь до сих пор был очень далек от её сути, хоть

Катерина более не привязана к холодной половине силы Кислева. Но все равно, одно только наличие этих следов уже само по себе значило многое, ведь им было не больше нескольких десятилетий.

Приближение к её палатке одной выделяющейся души вырвало Катерину из размышлений. То был Хоулэнд Рид, и даже отсюда она могла ощутить его целеустремленность. Что ж, похоже, он, наконец, решил поговорить с ней напрямую, а не просто наблюдать, притворяясь, что ничего не замечает.

В отличие от ведьм унголов, ледяные колдуньи никогда не отличались особой чувствительностью, и даже её собственное нестандартное образование это проблему не решало. Что поделать? Такова была цена их боевой мощи. Но всё же, при полном штиле вокруг, нужно быть совершенно слепой, чтобы упустить инаковость этого человека по сравнению с прочими. Тем более что он даже не пытался скрываться.

Очевидно, что лорд Рид обладал некоторыми способностями, и столь же очевидно, что эти способности позволили ему заметить произошедшее с ней самой. Может, Катерина и не знала, насколько она отличается от Лианны для того, кто должным образом <i>видел</i> их обеих, но совершенно не сомневалась, что очень и очень сильно.

Отложив книгу в сторону, Катерина поднялась с кровати. Она подошла к небольшому столику в центре шатра, зажгла несколько свечей и выставила на него бутылку вина вместе с парой серебряных кубков.

— Лианна, могу я войти? — донесся громкий голос Рида, приглушенный толстой тканью.

— Проходи, Хоулэнд, — откликнулась она, поворачиваясь к входу.

Мужчина отодвинул в сторону край полога и тихим движением проскользнул внутрь.

— Выпьешь со мной? — спросила Катерина у озёрника.

— Не откажусь, — просто ответил тот.

— Отлично, тогда присаживайся, — кивнула она на один из стульев перед столиком, после чего сама заняла место по другую сторону. Царица откупорила бутылку и наполнила оба кубка.

Взяв один, Хоулэнд опустился на свое место и немного пригубил.

— Арборское? — с долей сомнения уточнил он.

Катерине пришло на ум, что ни место жительства Рида, ни его характер, не располагали к особой привередливости в напитках. Или это называется тонкий вкус? Впрочем, её тоже нельзя было назвать ценительницей вин.

— Да, — произнесла она. — Если помнишь, в подвале башни были обширные запасы вина.

— Какой повод? — поинтересовался Хоулэнд.

— Без повода, — Катерина беспечно пожала плечами. — Просто потворствую своим желаниям. — Царица задумчиво постучала пальцами по подлокотнику стула. — Последнее время я это делаю довольно часто. Совсем от рук отбилась, — доверительно сообщила она. — Как думаешь, может, пора это дело прекращать?

— Возможно, — согласился Рид, улыбнувшись уголком губ.

Катерина взяла свой кубок, поднесла его к губам и немного смочила рот благородным напитком. Её нос непроизвольно сморщился. Терпкая сладость лучшего вина этого континента, как и положено, баловала язык изысканным вкусом, но это было не её. Эх, она едва проснулась, а вопрос организации правильной квасоварни уже встал в полный рост.

— Итак, полагаю, ты, наконец, созрел для серьезного разговора? — нарушила молчание Катерина.

— Верно, — кивнул Хоуленд и, чуть помедлив, добавил: — Вижу, ты уже знаешь, почему я здесь, поэтому хотелось бы поговорить начистоту.

— Ну, так начинай. Я слушаю, — сказала она, отсалютовав ему кубком.

Пару мгновений Рид просто молча разглядывал Катерину.

— Откуда у тебя эта сила, Лианна? — наконец спросил он. — Я бы соврал, назвав себя мастером магии. Если в наше время таковые вообще существуют, то мне они неизвестны. Но все же я более года жил, наверное, в самом магическом месте, которое еще осталось в Вестеросе, и находиться рядом с тобой, это словно быть в центре силы Острова Ликов. — Хоуленд обескуражено покачал головой. — Мне никогда и в голову не приходило, что подобное может исходить от человека.

Катерина задумчиво посмотрела на свой кубок, в последний раз обдумывая, что ей стоит сказать. Хоуленд сейчас являлся одним из немногих людей этого мира, которому она могла доверять. Верный вассал, хороший друг, пусть даже они были знакомы не слишком долго, умелый воин и, самое главное, не обделенный умом человек, на душе которого нет той отвратительной маслянистой пленки фальши, которую она так часто видела среди многих высокопоставленных чиновников еще в Кислеве. В будущем его помощь может оказаться неоценимой, а если он согласится на то предложение, которое она обдумывала уже несколько дней, то и сверх того. Но все же рассказывать о реальном положении дел было довольно глупо. Мало того, что для местных её история может показаться сущим безумием, так еще неизвестно, как они отреагируют на то, что девочку Лианну Старк теперь правильнее называть царицей Катериной Бокхи. Это она понимала, что с самого начала являлась обеими, но вот другие...

— Мне не так просто на это ответить, — произнесла Катерина, тщательно выбирая слова. — Если подумать... на самом деле во мне ничего не изменилось, — царица слабо усмехнулась, увидев во взгляде собеседника тень недоверия. — Сложно поверить, да? Но, видишь ли, в чем дело... насколько я успела понять, та сила, о которой ты говоришь, была со мной с самого рождения. Только пряталась настолько глубоко, что для того, чтобы она оказалась на поверхности, мне пришлось почти умереть. Сейчас, вспоминая прошлое, я могу точно сказать, когда она влияла на некоторые мои решения и без этого болезненного пробуждения. — Она затихла, чуть приложила к кубку, после чего продолжила: — Как будто во сне кто-то нашептывал мне советы, а потом наутро я просыпалась, точно зная, как следует поступить.

— Например, когда? — спокойно спросил Хоуленд, но в противовес привычно безмятежному голосу в его взгляде горело жадное любопытство.

— Хм, пожалуй, чаще всего подобное случалось, когда я слишком увлекалась побегами с занятий мастера. На следующий день мне частенько становилось так стыдно, что я по несколько часов не вылезала из библиотеки, нагоняя братьев и еще перечитывая кучу всего

совсем ненужного, — сообщила она, после чего тихо хихикнула, увидев, как глаза Рида расширяются в немом удивлении. Для обычно стоического озёрника это было практически эквивалентом отпавшей челюсти. — А ты ожидал каких-то смутных мистических откровений?

— По правде говоря, да, — быстро взяв себя в руки, ответил Хоуленд. — Мои зеленые сны всегда непонятны и иносказательны, но всегда несут предупреждение о будущем.

— Зеленые сны о будущем? — произнесла Катерина, по-новому посмотрев на Рида. — Кажется, что-то такое было в сказках старой Нэн.

Чего-чего, а пророческого дара она ожидала меньше всего. Способность прозревать в вечно бушующем эмпирее тени грядущего была не таким уж редким явлением, вот только к любому из них нужно было относиться со всевозможной осторожностью. Многие, очень многие пророческие изречения и видения являлись творением Хаоса или были искажены им настолько, что крохи истины из них невозможно было извлечь, даже возмись за дело весь имперский колледж Небесных магов.

Для самой Катерины это было несколько больной темой. Случилось так, что из-за одного пророчества, которое с древних времен считалась среди ледяных ведьм чуть ли не божественной заповедью, её старшему брату пришлось навсегда покинуть земли Кислева, а потом и совсем сгинуть где-то в имперских провинциях. И все из-за проклятого набора слов какой-то древней гадалки, предсказавшей, что «коли мужчина овладеет ледяной магией, скверна и разрушение придут на землю кислевитскую»! А что в итоге? НИ-ЧЕ-ГО! Орды Хаоса принесли скверну без всяких «мужчин-осквернителей». Слова остались только словами, а века гонений и множество загубленных жизней превратились просто в уничтожение собственных сил на потеху врага.

Она незаметно вздохнула, подавляя застарелое бешенство, и прислушалась к ответу Хоуленда. Не время и не место об этом вспоминать. Для начала нужно узнать, насколько лживы местные пророчества, кто может стоять за их появлением, да выяснить пользу, которую возможно из них извлечь, и только после этого определять свое отношение. В конце концов, она слишком мало знает о работе этого мира, чтобы быть в чем-то уверенной.

— Да, в старых сказках о них часто упоминают, — произнес Рид. — Такие сны еще называют «взгляд сквозь листву». Говорят, среди Детей Леса было множество как зеленовидцев, так и оборотней. Позже они проявились и среди Первых Людей, но намного реже. Один из тысячи, или еще меньше, но даже так эта сила была известна, и её часто использовали, вот только потом все стало всего лишь историями. — Хоуленд нахмурил брови, явно вспомнив что-то неприятное, после чего схватил со стола свой кубок и сделал большой глоток. — Жаль, от этих историй мало проку, когда нужно учиться контролировать и понимать эти видения. У меня что-то начало получаться только после жизни на острове. — Он снова перевел взгляд на Катерину. — Но сейчас не об этом. Позже, если пожелаешь, я с удовольствием перескажу все свои видения, какие еще помню. Сейчас мне бы очень хотелось больше узнать о том, что теперь доступно тебе. Признаться, это мучило меня с того самого дня, когда мы тебя нашли. — Рид устало покачал головой. — Первое время я даже опасался, что ты стала одержима каким-то древним чудовищем, но, понаблюдав за тобой, отказался от этой мысли.

— И зря отказался, — огорошила его Катерина. — Некоторые демоны вполне могут долгое время притворяться человеком, которым овладели. Подобные твари с радостью воспользуются воспоминаниями своей жертвы ради достижения собственных целей. Если, конечно, им хватит самоконтроля; многим просто претит четкая последовательность действий, поэтому они часто попадают на какой-нибудь спонтанной чуши. Обычно кровавой.

На некоторое время в шатре повисла звенящая тишина. Хоуленд смотрел на нее широко открытыми глазами, явно не зная, что сказать. Катерина же спокойно ждала, пока он обдумает её тираду, неспешно потягивая вино. Возможно, следовало действовать помягче, но ей почему-то внезапно захотелось похулиганить. Ох, уж это юное тело! Да еще после беременности. Точно, все оно виновато, да-да.

— Кхм, — Хоуленд смущенно кашлянул в кулак. — Демоны? Разве это не то слово, которым семибожники называют богов всех прочих религий?

— Кого они так называют, это только их дело. Раз уж не способны вспомнить, кого именно так когда-то называли, то тут ничего не поделаешь, — пожав плечами, ответила Катерина, после чего невесело усмехнулась и продолжила: — А вот я помню. В этом-то и суть: теперь я помню то, что прежде даже не знала, и вижу то, что никогда не видела. Причем для последнего мои собственные глаза не очень и нужны. Помнишь, когда ты пришел, я уже приготовила два кубка? — спросила она. Рид утвердительно кивнул. — Я знала, что ты идешь ко мне, даже прежде, чем ты подошел к шатру. Сейчас мне ничего не стоит проследить за каждым человеком в лагере, а если сосредоточиться, то даже могу сказать, кто, где находится. Тебя заметить проще из-за силы, она ярко горит на фоне прочих, тем не менее, и других тоже определить не так уж сложно. Но на этом все, большего о том, что приобрела, я сейчас ничего не могу сказать. Хотя... — Катерина чуть помедлила, вспомнив, что нужно озвучить еще один момент. — Только очнувшись после родов, я чувствовала какой-то странный прилив сил. Без этого мне вряд ли удалось бы пробежать всю башню до самого низа или убить Дейна. Сомневаюсь, что даже смогла бы подняться с кровати.

То, насколько люди здесь хрупки, стало для Катерины неприятным сюрпризом, о котором теперь приходилось себе периодически напоминать. Она-то привыкла совсем к иному. Если бы на её родине такой же знаменитый воин, как Эртур Дейн, получил подобный удар в голову, он бы его едва заметил, а уж в том, что женщина после тяжелых родов побежала на поиски своего ребёнка, вообще не было ничего удивительного. Разум и воля требовали, а плоть подчинялась, это было так же естественно, как дыхание. Но не здесь... не здесь. Похоже, мир вокруг был просто слишком... материален, чтобы позволить подобные подвиги.

— Любопытно, — задумчиво пробормотал Хоуленд. — Так ты с самого начала видела, что обладаешь какими-то способностями?

— Не совсем. Первое время это было слишком непривычно, поэтому на твои странности я обратила внимание, только когда мы встретились в оружейной. Тогда я была больше сосредоточена на мече, но и твою необычность не заметить было сложно, — ответила она, пожав плечами.

— Понятно, — кивнул Рид, явно что-то упорно обдумывая. — Благодарю, что удовлетворила моё любопытство.

— Не за что, Хоуленд, мне все равно нужно было с кем-то об этом поговорить, и очень хорошо, что у меня нашелся друг, который и сам немного разбирается во всей этой мистике, — ответила Катерина, одарив его улыбкой. — К тому же, тебе еще предстоит рассказать собственную историю.

— Конечно, — Рид согласно склонил голову. — Но прежде, чем я начну, есть еще один важный вопрос, который бы мне хотелось обсудить. Не возражаешь?

— Нет, лучше решить все и сразу. Говори, — произнесла Катерина.

— Эддард, — сказал лорд Сероводья.

Услышав имя своего брата, царица помрачнела. Действительно важный вопрос.

— Да, понимаю. Уж что-что, а эту проблему стоит обсудить, — пробормотала она, хмуро взглянув на опустевший кубок у себя в руке. — Что именно тебя интересует?

— Я не могу понять, почему ты так просто отпустила его. Ведь сейчас Дорн для него и правда очень опасное место, — произнес Хоуленд, со всем вниманием вглядываясь в собеседницу.

— Прежде, чем ты дала своё согласие, я ощутил, как с твоей силой что-то произошло. На какое-то время она будто укутала его. Что это было? Ты что-то сделала или увидела?

Некоторое время Катерина молчала, глядя в никуда, вспоминая тот момент, когда поняла, что же с собой сотворил её непутёвый брат. Она подалась вперед, чтобы поставить кубок на стол, после чего вновь откинулась на спинку резного стула.

— Перед тем, как я отвечу, позволь мне узнать, что тебе известно о силе Острова Ликов?

— медленно произнесла царица, сложив ладони вместе перед собой и, слегка склонив голову, коснулась губами кончиков пальцев. — В конце концов, ты рассказывал, что провел там много времени.

Хоуленд задумчиво провел ладонью по подбородку.

— Честно говоря, практически ничего, — наконец признался он. — Легенды, что рассказывают на Перешейке, ничем не отличаются от тех, про которые известно в других местах. Последняя роща чародрев по эту сторону от Стены. Место великого Пакта между Детьми Леса и Первыми Людьми, в честь которого все деревья острова были наделены Ликами. Родина мифических Зеленых Людей. На этом мои знания заканчиваются, сам же остров... не спешил делиться со мной своими секретами. Без сомнения могу сказать лишь, что в той земле и деревьях сокрыта сила, в которой ощущается присутствие чуждой, нечеловеческой воли. Именно поэтому меня сильно беспокоил рассказ Эддарда. Боюсь, принесение клятвы на берегах того острова это даже ближе к Богам, чем около сердцедрева обычной богороши.

— Значит, чуждая воля? — тихо проговорила Катерина, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Спасибо, Хоуленд, твои слова многое объясняют, — поблагодарила она озёрника, после чего на некоторое время затихла. Она и раньше что-то такое предполагала, но хорошо было получить подтверждение своих мыслей.

— Итак, — наконец, вновь заговорила она. — Там, около горящей башни, когда Нед начал настаивать на этом путешествии, мне показалось, что он излишне крепко держится за эту идею. Пусть у брата бывают свои... гм, причины, но все же он не глупец, чтобы так бездумно рваться в пасть дорнийским змеям. Даже его история про Эшару сама по себе не могла объяснить такую недалёковидность, но вот остров и сказки о нем... — Катерина тяжело вздохнула и устало покачала головой. — Мне нужно было знать, что с ним, поэтому я попыталась взглянуть на Эддарда так же пристально, как до того глядела на фамильный меч Дейнов и... это дало свои плоды, — она затихла, во всех деталях припоминая, что увидела в брате.

Хоуленд не торопил её, просто молча ожидая продолжения.

— Какая бы сила ни крылась на том острове, я могу точно сказать тебе, что она призвана любой ценой обеспечить исполнения договора, — в конце концов, произнесла Катерина.

— Наши предки и Дети Леса не ограничивались простыми словами, когда заключали свой

вечный мир. Магия стала гарантом конца войны. Магия и жизни.

— Ты хочешь сказать?.. — неверяще начал Хоуленд.

— Да, — резко подтвердила Катерина, мрачно глядя на Рида. — Не знаю, почему это произошло. Может быть, всему виной случайность, или же то, что перед островом искренне клялись потомки двух древнейших родов, основатели которых давным-давно сами могли участвовать в Пакте. Да это и не важно. В чем бы ни была причина, но Остров принял их клятвы, как когда-то принял Пакт. Эшара и Эддард будут вместе или погибнут порознь — иного не дано. Более того, боюсь, на этом все не кончится. Если этот Пакт будет нарушен, очень вероятно, что вскоре дома Старков и Дейнов навсегда исчезнут с лица Вестероса.

<http://tl.rulate.ru/book/31769/691721>